

0722657-1

На правах рукописи

ГОРБАТЬКО Валентина Александровна

**ИНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ 20-30-х ГОДОВ XX ВЕКА КАК ФАКТОР
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО РАЗВИТИЯ**

**(Актуальная ретроспекция перед лицом новой
действительности)**

10.01.01 - Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Краснодар - 2001

Работа выполнена на кафедре журналистики и литературно-социологических проблем Кубанского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
В.А.Канашкин

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Лыков А.Г. (КубГУ, Краснодар)
кандидат филологических наук, доцент
Павлов Ю.М. (АГПИ, Армавир)

Ведущая организация: Краснодарский государственный университет культуры и искусства

Защита состоится 5 июля 2001 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.101.04 в Кубанском государственном университете (3500040, Краснодар, ул.Ставропольская, 149)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета (350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149).

Автореферат разослан 5 июня 2001 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000500805

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Щербакова Н.И.

Общая характеристика работы

Внимание к жизни и быту других народов, прежде всего тех, чьи судьбы скрестились с историей восточных славян, а затем Московского государства, - характерная черта русской литературы с первых ее шагов.

Какой широтой души и чувством прекрасного надо было обладать на той исторической ступени национального самосознания, чтобы ощутить как сокровенное историю половецкого хана, услышавшего в запахе степной травы властный зов родины. Это увековеченное создателями Галицко-Волынской летописи предание, широко известное современным читателям по поэтическому переложению А. Майкова «Емшан», представляется нам самым ярким из первых фактов плодотворного обогащения русской литературы поэзией народа-соседа, символическим синтезом инационального материала и поэтического русского слова.

Русскую прогрессивную интеллигенцию начала XIX века волновала сложность отношений между российским правительством и горцами Кавказа. Далекий экзотический край стал «узлом» противоречий эпохи. Освещая кавказскую тему в своих произведениях, А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов создавали романтические образы. В художественном открытии мира горской жизни, слава и гордость русской литературы.

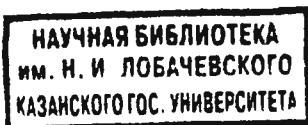
Постепенно в круг художественных исканий русских писателей вошли не только Крым, Кавказ, Закавказье, но и Украина, Прибалтика, Молдавия, Поволжье, Север, Сибирь. Произведения русских авторов были подчас единственным источником, из которого читатель черпал сведения о жизни цыган, чукчей, тунгусов, якутов, вотяков-удмуртов, черемисов, марийцев, ненцев

и многих других народов. Например, только о Башкирии и Чувашии во второй половине XIX – начале XX века писали В.И. Даль, С.Т. Аксаков, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, Г. Успенский, П.И. Мельников-Печерский и многие другие.

Изображение жизни народов России занимало значительное место в русской литературе конца XIX – начала XX века и принесло немало подлинно художественных открытий как на путях развития критического реализма (Л.Н. Толстой, В.Г. Короленко), так и в процессе становления творческого метода, основанного М. Горьким. К началу XX века значительно расширился круг литераторов, связанных с национальными окраинами своей практической работой, научными экспедициями (В. Шишков, М. Пришвин и др.). В своих произведениях они раскрывали истоки дружбы простых русских поселенцев с жителями национальных районов. Сильны и искренни дружеские чувства Бутлера и Хаджи-Мурата – героев повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Обаятелен созданный В.Г. Короленко образ Степана Удалого, ставшего «якутским генералом» («Марусина заимка»). В рассказе Ф.И. Гладкова «Черкесенок» на защиту человеческого достоинства горцев встали русские рабочие Кудреев и Рябишкин.

Русские писатели на протяжении не одного столетия проявляли неустанный интерес к жизни народа, культура и быт которого составляли единое духовное пространство российской империи. Как справедливо отмечает И. Солоневич в книге «Народная монархия», особенность российской империи, в отличие от римской, германской, британской империй заключалась в том едином соборном жизнеукладе верноподданных, при котором если и было плохо татарам или узбекам, то плохо было всем сразу: и русским, и ингушам, и якутам, так как действовало единое юридическое и социально-политическое законодательство: законы крепостного права или государственной службы дворян в течение 25 лет...

В 30-е годы интерес к произведениям классиков, посвященным жизни народов России, и к истории создания этих произведений, заметно возрос. Инонациональная, и прежде всего кавказская, тема в творчестве Пушкина,

Лермонтова, Л. Толстого получает широкое освещение в специальных литературоведческих изданиях.

Не удивительно, что в такой литературно-творческой атмосфере писатели, обратившиеся к отображению в своих произведениях жизни народов России, постоянно ощущали воздействие классических традиций.

Большое внимание в творчестве многих писателей уделяется вопросу о взаимодействии различных национальных литератур с русской литературой, которая является прямой наследницей русской классической литературы и творческой школой для всех народов России, для художественной мысли всего человечества.

Характеризуя деятельность М. Горького, Н.К. Пиксанов наметил некогда четыре пути влияния: через художественные произведения, личное общение, литературное наставничество, организационную деятельность. В практическом опыте реализуются связи, непосредственно контактные, связи по исторически обусловленному сходству литературно-общественных процессов, по общности идейно-эстетических взглядов, комплексные взаимосвязи художника с инонациональной средой, а также выявляющие идейно-эстетические противоречия.

Для многих русских авторов, обращающихся к инонациональной действительности, она не является «чуждым материалом». А. Фадеев, К. Федин, Н. Тихонов, Н. Никитин были биографически связаны с жизнью тех народов, которым посвящали свое творчество. К этому нужно добавить знания национальной культуры.

Когда мы сегодня говорим об инонациональной тематике в русской литературе, невозможно не упомянуть имена: Д. Фурманов, Н. Тихонов, А. Фадеев, Л. Леонов, И. Эренбург, Ю. Либединский, В. Маяковский, Д. Бедный. С. Есенин, Б. Пастернак, В. Луговской. Русская литература создала целую галерею инонациональных образов. Эпизодические обращения к жизни того или иного народа с течением времени образовывали обширные инонациональные «антологии».

А к т у а л ь н о с т ь предлагаемого исследования определяется тем фактором, что имеющиеся критические и историко-литературоведческие исследования по проблеме изучения инонационального характера в русской литературе 20-30-х годов XX века не воссоздают полной картины назревшего процесса реинтерпретации типологического макрокосма новой личности в художественно-исторической перспективе творческого сознания XX столетия. Первоочередной задачей современного литературоведения становится теоретическое отображение духовно-нравственных, национально-исторических, культурно-социальных составляющих данной личности. Интеллектуальным средством подобной реинтерпретации могут послужить понятия единого духа времени, мутации авангарда в соцреализм (Гройс), эзопова языка (Лосев), искусства приспособления (Жолковский), аналогии с подцензурной практикой классиков XIX века, в частности, Пушкина (Чудакова) и им подобное. Указанный арсенал методологических приемов отображения нацеливает на констатацию схождения типологических основ национального характера народов, населяющих Российскую империю.

В настоящее время, когда происходит возрождение национально-исторического самосознания народов России, особо актуальным и своевременным является определение экзистенциальной сущности этнического нрава, который в истории каждого народа по особому соотносился с законами имперского миропорядка.

Н о в и з н а предлагаемого исследования заключается в предпринятой попытке вписать инонациональный характер прозы 20-30-х годов в контекст единых общечеловеческих мотивов творческого жизнеустройства российского народа в перспективу XXI столетия. В связи с чем актуальный ныне диалог «Россия – Азия» в свете уроков житнетворящего опыта народов России, отображенного в поэзии и прозе 20-30-х годов, обретает новое звучание.

Ц е л ь ю диссертационной работы является исследование своеобразия духовно-нравственных основ инонационального характера русской литературы 20-30-х годов XX столетия сквозь призму художественно-эстетических категорий историзма, народности, национального и общечеловеческого, а также нравственно-эстетического идеала.

Для достижения обозначенной цели в работе решаются следующие з а д а ч и :

- 1) определение своеобразия нравственно-психологических черт инонационального характера в прозе и поэзии 20-30-х годов XX столетия;
- 2) установление диалектики взаимоотношений национального и общечеловеческого начал в историческом самосознании народов России;
- 3) выявление экзистенциальных основ реинтерпретируемого исторического мышления больших и малых народностей Российской империи ;
- 4) прояснение контекстуальной сущности диалога «Россия – Азия» как предпосылки возникновения необходимых литературно-общественных концепций и прорицаний.

Работа не претендует на полноту аналитического обзора всего литературно-художественного процесса 20-30-х годов XX столетия, который представлен широким спектром литературных течений, школ, направлений.

П р е д м е т о м исследования служит процесс взаимовлияния романтических и реалистических тенденций в освоении проблемы инонационального характера в русской литературе 20-30-х годов XX века как фактора историко-литературного развития. При этом учитывается то обстоятельство, что инонациональные типы как категория достоинства художественной мысли и вклада писателя в русскую литературу нашли воплощение в органическом историзме творческого взгляда, то есть в таком осмыслении новых аспектов взаимодействия характеров и обстоятельств, когда духовность проявляется в виде высшего человеческого свойства.

М а т е р и а л о м для исследования послужили этапные в концептуальном отношении произведения поэтов и прозаиков 20-30-х годов: М.Горького «Камо», И.Эренбурга «Хулио Хуренито», «Лазик Ройтшванец», Д.Фурманова «Мятеж», Б.Лавренева «Звездный цвет», Вс.Иванова «Путешествие в страну, которой еще нет», К.Паустовского «Колхида», А.Фадеева «Последний из удэге», Л.Леонова «Дорога на океан»; стихи С.Есенина, В.Маяковского, В.Хлебникова, Д.Бедного; историческая трилогия С.Бородина «Звезды над Самаркандом».

М е т о д о л о г и ч е с к о й базой диссертационной работы являются историко-литературоведческие исследования В.Скобелева, С.Шешукова, В.Гура, Л.Егоровой, П.Выходцева; теоретические труды, посвященные национальной проблематике: П.Палиевского, В.Кожина, А.Клибанова; теоретические труды методологического характера: М.Бахтина, В.Гусева, В.Чердниченко, К.Шаззо, У.Панеша, Б. Гройса; современные историософские труды: мит. Иоанна Петербургского и Ладожского, И.Солоневича.

М е т о д ы исследования: культурно-исторический, сравнительно-типологический.

Т е о р е т и ч е с к а я значимость диссертации заключается в том, что осуществление реинтерпретации типологического макрокосма в художественно-исторической перспективе XX столетия позволило определить онтологические основы инационального характера народов России сквозь призму синтеза в их общественном сознании начал национального и общечеловеческого, исторического и внеисторического, государственного и религиозно-этнического. На основе установленных типологических свойств инационального характера в современном литературоведении актуализируется момент восприятия эволюции художественного отображения имперского сознания в контексте сложных противоречий эпохи.

П р а к т и ч е с к а я значимость работы состоит в возможности использования материалов и результатов исследования при чтении курса «Истории русской литературы XX столетия», спецсеминаров по проблемам ли-

тературы народов Российской Федерации; спецкурсов, посвященных проблемам реинтерпретации нравственно-эстетических канонов отечественной литературы первой половины XX века.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Русская эстетика, по справедливому замечанию Н.Г.Берковского, развивается через внедрение всякого индивидуального образа в общий образ России. В этой связи инонациональные типы стали характерологическим принципом в формировании нового этапа в движении отечественной литературы XX столетия. Обращение русских авторов к инонациональной действительности – М.Горького, А.Фадеева, И.Эренбурга, Л.Леонова, Д.Фурманова, С.Есенина, В.Маяковского и др. - способствовало взаимному обогащению культур, рождению внутренней динамики их развития благодаря возникающей на стыке двух культур диалектике начал национального и общечеловеческого. Основными чертами инонационального характера, запечатленными в поэзии и прозе 20-30-х годов, являются: особый национальный склад мышления, созидательный в своем глубинном самопроявлении консерватизм восприятия кардинальных социально-политических перемен, устремленность творческого сознания к освоению плодотворных начал общечеловеческой культуры, склонность к исповеданию традиционных нравственно-этических ценностей и одухотворенных в своей красоте эстетических идеалов, устойчивое проявление воли к жизни и способности к выживанию.

2) Всякий новый аспект художественной истины дает возможность приблизиться к постижению бытия в целом, в триединстве его восприятия: рациональном, эмоциональном и духовном (провиденциально-аксиологическом). Полноценное (триединое) восприятие мира, воплощенное в инонациональном характере, выступило подтверждением «одухотворения» тех элементов, которые необходимы искусству для опредмечивания своего содержания. С точки зрения эволюции содержательной парадигмы искусства произведения с инонациональными характерами ознаме-

новали собой новый этап словесно выраженной эстетизированной духовности, явились приметой рождения культуры, через посредство которой многогранная сущность человеческого опыта стала восприниматься более осязаемо и действенно. Родившиеся как отклик на «картину мира», возникшую в результате коренных перемен, инонациональные образы новых героев литературы 20-30-х годов явили собой главный содержательный итог, который состоял в реальном шаге к возвышению общественного идеала, к постепенной замене революционного культа – культом народа как единой российской общности. Так, присущие духовному нраву Камо покоряющая сила внушения и чувство жалости даже к человеку, враждебному по своей социальной природе – сыщику («Камо» М.Горького), неистощимая жизнерадостность, живой ум, непосредственное чувство симпатии и доброжелательности к «седокам» у возницы Азана («Мятеж» Д.Фурманова), любовь к природе, глубокая внутренняя культура, деликатность, начитанность Шалико Габуня («Колхида» К.Паустовского) – черты человеческого характера, которые, вопреки общественно-политическим разногласиям и отличиям культурно-этнического плана, позволяют народы великой российской державы духовно объединить в рамках единого жизненного пространства.

3) Подспудной экзистенциальной доминантой инонационального характера во всех его разновременных и разнообразных манифестациях (революционной поры и советского периода 20-30-х годов, житейских, гражданских, культурно-этнических) была последовательная национально-историческая стратегия укрепления духовного, экономического, общественно-политического статуса путем обретения опыта совместного с российским народом созидания единого державного остова.

4) Особое идейно-смысловое звучание обретает инонациональный характер в контексте общественно-политического и культурно-исторического

диалога «Россия – Азия». Как свидетельствуют факты истории, отображенные в трилогии С.Бородина «Звезды над Самаркандом», культурная цивилизация народов Азии, историческое существование которой проявлялось в военной экспансии по отношению к России, по сути была обречена и могла быть вызвана к жизни на определенный период лишь могуществом отдельной от человечества личности, какой и является главный герой трилогии Тимур. Смерть этой сильной личности возвратила азиатские народы, по словам В.Белинского, «в прежнее ничтожество». Лишь приоритет здоровой созидательной идеи, определяющей выбор стратегии жизненного устроения народа, ход которой во многом обусловлен поступью России, может способствовать обретению устойчивых в духовно-нравственном отношении черт инационального характера.

А п р о б а ц и я научных результатов исследования происходила в ходе выступлений на научных конференциях, посвященных проблеме межнациональных отношений между народами, населяющими Северный Кавказ и Закавказье. По теме диссертационной работы опубликовано 5 работ.

С т р у к т у р а диссертации включает в себя введение, две главы, заключение и библиографический список, содержащий 190 источников.

Содержание работы

Во введении обосновывается актуальность диссертационной работы, ее научная новизна, определяется теоретико-методологическая база, цели, задачи исследования, характеризуется степень научной адаптации обозначенных проблем в отечественном литературоведении. Оговаривается содержательная сторона понятия «инациональный характер» применительно к контексту истории русской литературы.

В первой главе «Инациональный характер в поэзии и прозе 20-30-х годов как синтез национального и общечеловеческого и эволюция его художественного изображения. К вопросу о реинтерпретации типологического макрокосма в художественно-исторической перспективе новой лич-

ности» выявляются основные черты инонационального характера, отраженные в прозаических и поэтических повествованиях М. Горького, А. Фадеева, И. Эренбурга, Л. Леонова, С. Есенина, В. Маяковского. Начиная с творчества Горького, который еще в дооктябрьский период осуществляет издание в русских переводах армянских, латышских, финских поэтов и пишет очерк «О русской интеллигенции и национальных вопросах», отечественная литература обозначила две тенденции в освоении инонационального характера. Наряду с ярким изображением колоритных характеров цыгана Макара, молдованки Изергиль, крымского татарина Рагима, нашедших отражение в его ранних романтических рассказах, параллельно, одновременно с пафосом приподнятого повествования, зарождается в творчестве того же Горького реалистическая тенденция описания черт инонационального характера, ставших со временем узнаваемыми. Пример конкретно-исторической типизации инонационального характера, диалектики национального и общечеловеческого дает очерк М. Горького «Камо» (1932), посвященный известному армянскому революционеру-большевику Семену Аршаковичу Тер-Петросяну, носившему партийное имя Камо. В контексте аксиологии современных творческих поисков на первый план в этом очерке выступают уже не легендарная сторона революционной деятельности героя, а те черты его инонационального характера, которые легко угадываемы для русского читателя, потому что близки ему по духу. Переходя к рассказу от первого лица, насыщая его личными впечатлениями, Горький запечатлел Камо как крепкого, сильного человека, с типичным лицом кавказца и строгим взглядом мягких темных глаз. «Детская улыбка» как нельзя лучше выражала и душевную молодость Камо, и его трогательную наивность, чистоту и возвышенность жизни. Национальный склад мышления и речи героя, нашедшего в революционной России вторую родину, прекрасно передан в заключительных словах Камо: «Есть такое русское слово ярость, знаешь? Я не понимал, что это значит – ярость? А вот тогда, перед докторами, я был в ярости, -так думаю теперь. Ярость – очень

хорошее слово! Страшно нравится мне. Разъярился, ярость! Верно, что был такой русский бог – Ярило? И услышав: да, был такой бог – олицетворение творческих сил, - он засмеялся» (с. 108). Как очевидно, сближение душевного мира героя с языковой стихией русского языка предполагает родство природного темперамента, бескомпромиссность поиска истины и гуманизм восприятия трагических моментов жизни.

Горьковским принципам публицистического и в то же время реалистического изображения инонационального характера в его живой индивидуальности отвечали творческие установки романа Д.Фурманова «Мятеж» (1925), в котором национальная проблематика раскрывается писателем в совокупности с другими неотложными проблемами времени – борьбой с белогвардейщиной, ликвидацией партизанщины и засилья «кулацких подголосков» в красноармейских частях. Произведение Фурманова положило начало глубокому социальному анализу жизненных процессов периода гражданской войны, происходящих в национальных республиках. Национальная проблема предстает в романе как сложность взаимоотношений людей, когда еще их сознание устойчиво мифологизировано образами своей национальной веры, обычаев, нравов. Вспомнить хотя бы беседы повествователя с возницей Климычем, русскими крестьянами хлебопашцами, разговор на партсобрании в Мерке, горячий спор в ревкоме, когда столкнулись две точки зрения на сроки передела земель.

Одна из запоминающихся фигур «Мятежа» – возница Азан. Герой находится в таких условиях и на таком уровне развития, когда приметы инонационального (например, в ломаной речи героя) бросаются в глаза особенно резко. «Возница-киргиз сидит неподвижно на отрепанном облучке и журчит про себя не то песенку, не то рассуждает вслух торопливым речитативом» (с. 65). Главная черта характера, которая движет поступками героя, это расположение к людям. В ходе совместной поездки он не раз высказывает повествователю «свое удовольствие по самым исключительным случаям: в лужу ли засыплемся слишком глубоко, утки ли дикие подымут-

ся в стороне, или навстречу покажется тройка, спускаясь по склону, - Азан отзывается на все живейшим образом: до всего ему дело, все его занимает и волнует и даже приводит в восторг» (с.68-69).

Таким образом, характеризуя национальный тип характера героя, автор сосредоточивает внимание на чертах общечеловеческих, близких людям любой национальности. Диссонансом в плане содержательно-смысловом по отношению к образу простого возницы, цельного по натуре, звучит в романе Фурманова «Мятеж» образ военного комиссара Шебутгаева, человека невероятно энергичного, жесткого в поступках, гневливого, который пользовался безграничным доверием среди мусульманской части армии. Присущие Фурманову аналитизм художественного мышления, стремление показать героя «со всей человеческой требухой» в полной мере проявились в таких характеристиках главного героя «Мятежа», как «парень он хороший, но слабовольный и политически не ахти как развит, - при ловком, умелом нажиме может и покачнуться» (с.147). С одной стороны, сложность, противоречивость образа военкома Шегабутдинова отвечала творческому принципу Фурманова, который он сам сформулировал как нежелание «увлекаться в отрицательном типе изображением отрицательных черт, а в положительном – положительных: пряно.... Черты характера перемешивать, а не тенденциозить в одну сторону» (с.390). С другой стороны, с точки зрения внеисторизма как категории, выявляющей стремление автора отобразить вечное, непреходящее в движении души героев, мы можем судить об определенной мере присутствия в мироощущении Шегабутдинова здорового консерватизма, благодаря которому все его нутро на подсознательном уровне сопротивляется тем идеологическим установкам революционного времени, которые идут в разрез тому образу культуры и вероисповедания, что формировался веками. Потому его колебания вполне соотносятся с незыблемым духовным строем его инационального характера. В этом смысле судьба Шегабутдинова соотносится с судьбой Андрыона Непутевого из одноименной повести А.Неверова. Эта «непутевость»,

роднящая оба персонажа по признаку неустойчивости взглядов на жизнь, вполне объясняется той закономерностью смутного времени, когда на едином духовном пространстве Родины столкнулись две разнонаправленные культурные ментальности – культура традиционная, религиозная по звучанию и культура пролетарская, атеистическая, начало которой было положено тотальным разрушением «старого» миропорядка.

Показателен в этом плане иной национальный характер, отображенный И.Эренбургом в романе «Хулио Хуренито», которому было подвластно без всяких душевных мук и колебаний совершать то, что не удавалось с такой цельной динамикой совершить ни одному из типов инационального характера. А именно: разрушение. Учитель, Великий Провокатор, который своими провокациями готовит насильственное возвращение социально организованного мира к блаженному безначалию, к хаосу, к «голому человеку на голой земле», окружен семьёю учениками, представляющими разные народы, «языки» земли. Персонаж Ильи Эренбурга представляет не русский народ, а еврейский: впервые писатель идентифицирует себя не с Россией, но с разбросанными по всему миру еврейским народом. Что представляет собой еврейство как инациональный характер по Эренбургу? Главная мысль, заложенная в романе «Хулио Хуренито», заключается в том, что еврейство – это та часть человечества, которая естественным образом отошла от остальной части по причине своей избранности: «Произошло естественное разделение. Можно уничтожить все гетто, стереть все «черты оседлости», срыть все границы, но ничем не заполнить этих пяти аршин, отделяющих вас от него» (с.95). Если все народы смиряются со своей судьбой, с несправедливостью и неравенством, то еврейство – это начало вечной неуспокоенности, смуты, потрясений.

Перед нами стереотип вечного отрицателя, разрушителя, потрясателя основ, подрывателя чужих традиций, отчасти знакомый уже из античной древности и полностью сформировавшийся еще в первой половине XIX века, во второй же половине сделавшийся уже достоянием массовой печат-

ти не только на западе, но и в России. Роман «Хулио Хуренито» позволяет с достаточной уверенностью заключить, что образ вновь обретаемого еврейства приходит к автору не изнутри, но навязан извне. Чаще всего такая ситуация ведет к самоненавистничеству, к обостренной чувствительности и даже к национальному высокомерию. «Хулио Хуренито» дает ключи к пониманию творческого наследия Эренбурга с той точки зрения, что с одной стороны, его еврейский персонаж выстроен по шаблону или стереотипу. И тем поразительнее, когда к так называемой маске вдруг прибавляется деталь, преобразующая ее, «остраивающая» (по знаменитому термину В. Шкловского). Вот Хуренито объясняется со своим русским учеником: «Каждый раз, когда говорю со славянином, я испытываю великолепное ощущение расступающегося болота. /.../ Я знаю, что не вам сокрушить эти спаянные кровью многих сотен поколений, насиженные города. Но вы велики, и такой пустыни не выдержит дряхлый – голова закружится. Вы никого не свергнете, но, падая, многих потащите за собой» (с. 135) Итак, перед нами прием, успех которого зависит от умения вовремя приподнять маску: читатель должен чувствовать условность игры, не принимать ее за чистую монету действительности.

Самым главным «манифестом» И. Эренбурга за всю его творческую жизнь считается статья «Ложка дегтя», помеченная 1925 годом и известная по сборнику «Белый уголь, или слезы Вертера». Начиная с похвалы «скептицизму» или «сомнениям», которые он противопоставляет безумным восторгам и слепой ненависти к любому инакомыслию, Эренбург формулирует свою тему, которая выходит за российские пределы: «...Я буду говорить... о приливе еврейской крови в мировую литературу...» Затем, с некоторым высокомерием, выводится из поля интереса литература на идиш – ничем не примечательная, «вроде румынской или новогреческой». Почему же «иудейский дух», цельный и не «распыленный», дает такие жалкие результаты по сравнению с «распыленным»? Эренбург предполагает, что причина заключается в том, что язык идиш слишком

молод и не изощрен, а потому и примитивен. На самом деле Эренбург идиш не знал и судить о нем мог только на уровне жаргона. Илья Эренбург приводит в своей статье христианизированную формулировку еврейского избранничества, взятую из «нагорной проповеди» Иисуса: «Вы – соль земли... Вы – свет мира... Да светит свет ваш пред людьми...» Это объяснение богоизбранничества евреев стало общим местом у «просветившейся», но не до конца ассимилировавшейся еврейской интеллигенции. Рассуждая о еврейском скепсисе, И.Эренбург на самом деле раскрывает суть еврейской культурной ментальности своего народа: «Критицизм – не программа. Это – состояние. Народ, фабрикующий истины вот уже третье тысячелетие, отнюдь не склонен верить в спасительность своих фабрикантов» (с.15). Эренбург не забывает того, что «прилив еврейской крови в мировую литературу» начался с Г.Гейне, привнесшего в мировую поэзию свое толкование романтической иронии. Идя в совет эстетике вслед за этой иронией, Эренбург начинает понимать, что «романтическая ирония» это не школа и не мировоззрение. «Это – самозащита, это – вставные когти. Настоящих когтей давно нет, евреи стерли их, блуждая по всем шоссе мира».

В 1925 году И. Эренбург пишет статью «Романтизм наших дней», в которой отрекается от прежнего символа эстетической веры, выкованного всего четыре года назад, и провозглашает новый : только «романтизм строит цельный и связный космос»; «вторая реальность может быть только романтической». Новый эстетический идеал иллюстрируется на двух примерах: Бабея и Пастернака. В глазах Эренбурга данных художников слова объединяет еврейская кровь – не еврейство как идея, а именно кровь. Из размышлений писателя о духовной сущности эпохи на примере творчества русскоязычных писателей, следует вывод: еврейские гены фатально обрекают любого – и желающего (как Бабель и сам Эренбург), и противящегося (как Пастернак) – на особый путь в искусстве и в жизни. Это путь избранного меньшинства, но избранничество определено чисто

отрицательно – как будоражащий фермент тотального «нет», разрушительное недовольство собой и миром. Оно необходимо по мнению Эренбурга как противовоидие против окостенения («гогота классического недоросля»), убийственного для искусства. «Парадоксальный эффект» творческого мировидения И. Эренбурга заключается в том, что при всей генетической и эмоциональной предрасположенности писателя к «еврейской крови в мировой литературе», на самом деле он остается вне еврейства, в стороне от его национального «домостроительства». И. Эренбург ощущает себя не еврейским писателем, а писателем евреем, или русским писателем с еврейской кровью в жилах. Несмотря на то, что творческая задача писателя Эренбурга – показать еврейский характер с т о р о н н и м взглядом – не совсем удалась, так как ощущал он эту проблему «внутренне», глазами соплеменника, поучительна для российского читателя сама по себе гражданская позиция писателя: «Я русский писатель, но откуда на свете будет существовать хотя бы один антисемит, я буду с гордостью отвечать на вопрос о национальности: еврей».

Укрепление связей русской литературы с жизнью народов других национальностей сказалось и в творчестве писателей, ранее склонных к романтическому решению инонациональной темы. Значительность, масштабность событий, происходящих на бескрайних просторах России заставляли писателей обращаться к традиционным представлениям и ассоциациям в «восточном стиле». В недрах условно-романтического истолкования писателями восточного колорита зарождалась и крепла тенденция романтического, принципиально нового, основанного на конкретных коллизиях Кавказа, Средней Азии, истолкования действительности. На первый взгляд, среднеазиатские произведения Вс. Иванова начала 20-х годов созданы в духе традиционного восточного колорита. Но стилизация под восточный стиль повествования играет у Вс. Иванова более подчиненную роль: это лишь из стиливых моментов в раскрытии четко выраженной социальной идеи.

В большинстве произведений Вс. Иванова присутствуют такие социально-политические акценты, которые свидетельствуют о качественно новом (по сравнению с традиционными романтиками) миропонимании художника. Впервые в русской литературе инонациональная тема была связана с социально-историческими процессами, происходящими в национальных окраинах страны. Рассказы Вс. Иванова «Киргиз Темербей», «Встреча», «Встреча», «Амулет», повествующие о рождении новых социальных эмоций у представителей угнетенных ранее национальностей, - произведения, в которых выявилось конкретно-историческое значение происшедших перемен. Самое ценное в рассказах Вс. Иванова с точки зрения идейно-композиционной заключается в том, что их автор сумел показать изменения в сознании киргизов, которые вначале всякого русского называли «красный – белый». Но и киргизы начинают понимать, кто является их истинным врагом. Это относится к герою «Встречи», пришедшему обменять труп замученной жены на винтовку, и к Темербею, о котором писатель говорит следующее: «Он бежал, и в то же время его всего охватывало ощущение чего-то большого, неясного, - сознание, что самое страшное начнется сейчас, что у этой могилы он похоронил прежнего, давешнего, тихого, спокойного киргиза Темербея...» (с. 36).

В 30-е годы ведущей темой русской романтической прозы становится тема социалистического преобразования национальных окраин страны. Это привело к новым художественным открытиям в создании инонационального характера. Тяготение к исключительным судьбам и ситуациям, которыми была так богата действительность национальных республик, побуждало писателей в самой действительности искать такие проявления духовной жизни человека, которые осознавались ими как идеальные. Если в произведениях на «русскую тему» изображение повседневности зачастую означало отказ от романтического изображения действительности, то инонациональный материал давал возможность художникам увидеть романтическое в самой действительности.

Так, действие повести Вс. Иванова «Путешествие в страну, которой еще нет» (1930) разворачивается в экзотической долине Тба, отрезанной от мира недоступными горами, наполненной грохотом бесконечных обвалов. Главный герой - Павликов, он же Тасан-Муктай (отец его – крещенный казах) – вступает в острый конфликт со старыми специалистами. Образ Павлика выражает социальный оптимизм писателя и его веру в реальность романтической мечты. Об этом свидетельствует многозначительный диалог побежденного и победившего героев: «- Я думаю... что вы, Павликов, один из тех людей, которые совершили путешествие в страну, которой еще нет. – Но которая будет? - Да.» (с. 426).

Повесть Вс.Иванова демонстрирует принцип романтической типизации инонационального характера. В самом портрете героя – шрам, тонкие кривые брови, как ковыль, поднятый ветром и желтая гладкая кожа, острый поворот скул, томный неподвижный взгляд – осязательно стремление автора подчеркнуть необычные черты внешности героя, вызвать представление о таких же исключительных чертах его духовного облика, его необычной целеустремленности и творческой энергии.

В конце 20-х и в начале 30-х годов «романтическое крыло» русской литературы обогатилось новыми произведениями: рассказы Н.С. Тихонова «Халиф», «Чайхана у Ляби-Хоуза», «Бирюзовый полковник» (1927), повесть К. Паустовского «Колхида». Так, романтичность повести Паустовского проявляется в тональности повествования. Писатель считал, что он вправе изображать людей не только такими, каковы они на самом деле, но такими, какими они будут или должны быть. Непосредственность воплощения эстетического идеала писателем-романтиком или, по словам Паустовского, «напряженное представление о полноценной жизни» обостряет способность художника улавливать в действительности уже существующие, но еще разрозненные черты будущего.

Если в образе Габунии на первый план выступают черты общечеловеческие, то в образе охотника Гулии национальный склад мышления и речи

очень ощутим. Гулия – личность с ярко выраженными чертами характера, проявляющимися в его взволнованных монологах на суде, в минуты глубоких раздумий о жизни, в его трогательном отношении к Габунии. Жизненно и правдиво воссоздал К. Паустовский этот инонациональный характер. Таким образом, у писателей-романтиков, обратившихся к изображению национальных окраин страны, проявилась способность видеть мир с яркой стороны, обусловленная как их пристрастием к отражению экзотических сторон жизни, так и к литературным традициям.

Многообразие творческих принципов отражения действительности народов России в русской литературе, прослеженное нами в прозе, было свойственно и поэзии 20-х годов. Значительность, масштабность событий, происходящих на бескрайних просторах России - евроазиатской страны, заставляли писателей обращаться к традиционным представлениям и ассоциациям в «восточном стиле». Скифско-монгольский колорит был свойственен еще стихам Брюсова периода первой русской революции («Грядущие гунны»). В годы революции и гражданской войны к нему обращаются А. Блок, В. Хлебников, отчасти С.Есенин и др. Как обычная «проза жизни», восточная тема в советской поэзии начала 20-х годов представляла в поэтических сборниках таких разных поэтов, как С. Городецкий («Северное сиянье»), А. Ширяевец («Бирюзовая чайхана»). Более значительна фигура Велемира Хлебникова, крупнейшего поэта-экспериментатора. Даже критически относившийся к нему Н. Берковский признавал в нем поэтический дар: «Но свет – Свет с Востока! – он все-таки лежит у Хлебникова на огромных пространствах...».

Распространенной среди литераторов 20-х годов иллюзией было идущее от классического романтизма представление о патриархальном человеке как средоточии особых нравственных качеств. Отсюда обращение Хлебникова к «язычеству», идеализация первобытного мира. Поэт остро воспринимал неделимую целостность мира, мечтая «род людей сложить, как части давно задуманного целого», мечтая о синтезе культур. Отсюда весо-

мость «азиатского начала» в его творчестве и в то же время трансформация разнонациональных образов:

Ах мусульмане, те же русские
И русским может быть ислам,
Милы глаза, немного узкие,
Как чуть открытый ставень рам.

Азия в стихах у В. Хлебникова – «всегда рабыня, но с родинкой царей на смуглой груди» – выступает символом будущего истории России.

У С. Есенина немало точек соприкосновения с В. Хлебниковым: и в романтико-утопическом миропонимании революции, и в космических образах, и в поиске славянских корней русского слова. Несомненны эти точки соприкосновения и в восточной тематике. В «Персидских мотивах» Восток тоже дан не «сам по себе», а ради заветной мысли поэта, но эта мысль – иная. В «Персидских мотивах» нет характерного для классического романтизма национального двоемирия. Для него Азия – не романтический идеал, противопоставленный прозе российской жизни, и не источник глобальных раздумий о будущем. Поэтому во внутренней борьбе мотивов, обуревавших поэта у границы Ирана, прозвучал и такой трезвый внутренний голос, невысказанный, например, для Хлебникова: «Зачем черт несет – не знаю». Персия Есенина – орнамент, в котором раскрывается внутренний мир поэта, его поиски смысла жизни. Былому смятению чувств («Улеглась моя бывшая рана...») противопоставит «удел желанный, тех, кто в пути устал». Это «голубая и веселая страна», где «тихо розы бегут по полям», не противопоставленная Руси.

С. Есенин хорошо знал и ценил поэзию Фета, Мея, переводивших восточную поэзию. Однако реалистический характер лирики Есенина предполагал весьма «умеренное» использование красок Востока, в отличие от романтиков, стремившихся к максимальной передаче инонационального колорита адекватными художественными образами. Истоки такого ракурса изображения инонационального мира – в особенностях мировосприятия

самого поэта, который, будучи захвачен красочным национальным праздником, «под конец заговорил все-таки о березках, о своей рязанской глуши...». Именно в Ташкенте он пишет письмо Иванову-Разумнику о национальных истоках русской словесности. Поэтому не удивительно, что при максимальной точности в передаче инонационального колорита Есенин в гораздо больше, чем поэты-романтики, мере сохраняет особенности русского восприятия и передает последнее национально-русской образностью и складом характера.

Романтическое течение в поэзии, несомненно, явилось одним из ярких ее художественных проявлений, позволяющих значительно обогатить изображение жизни народов России яркими красками, наиболее соответствующими многогранному и колоритному объекту изображения.

Вторая глава диссертационного исследования «Инонациональный характер в контексте диалога «Россия – Азия»: уроки житнетворящего опыта. Переосмысление как необходимость литературных концепций-прорицаний. По страницам художественно-исторической трилогии С. Бородин «Звезды над Самаркандом» посвящена проблеме прояснения контекстуальной сущности диалога «Россия – Азия» в свете уроков исторического опыта народов России, отображенного в трилогии С.Бородин. В ней прослеживается эволюция творческого замысла писателя, относящегося к моменту написания первой книги новелл, получившей название «Последняя Бухара».

«Последняя Бухара» для С. Бородин не замыкалась в кольце той огромной глинобитной стены, которая возведена в древности вокруг «священной» Бухары эмиров и медресе. Ее достопримечательности не ограничивались Регистаном или знаменитой «башней смерти». «Последняя Бухара» включала в себя более широкое понятие, включающее в себя прежде всего культуру, имеющую вековые корни. Эта культура несла в себе огромный заряд фанатизма и мракобесия, которые не мирились ни с чем, что таило в себе возможность перемен. Благочестие и ханжество в течение ве-

ков явились тем «товаром», которым охотно обменивалась древняя Бухара с соседними землями. Книжники Бухары составляли особую привилегированную касту, содержащуюся государством за счет людей труда. Пребывая в праздности, чалмоносцы довели до совершенства ремесло начетничества и зубрежки. «Все европейское украшается снаружи. Все азиатское – изнутри», - говорит один из персонажей книги, поучая своего помощника.

В «Последней Бухаре» С. Бородин указывает на антинародную сущность басмачества, чем художественно выявляется его подлинное лицо. В одной из новелл книги («Халаты»), включающей в себя интересный материал из эпохи борьбы с басмачеством, делается ссылка на Локайский курултай, на котором народ Локая выразил свое отношение к басмачам. В письме, адресованном от имени курултая «защитникам Ислама», говорилось: «Народ устал, народ разорен басмачеством и требует немедленной сдачи оружия». В «Последней Бухаре» эта мысль не выходит за рамки политической формулы. Но примечательной особенностью национально-исторической концепции романа явилось то обстоятельство, что С. Бородин не просто «разоблачает» представление о старом «благородном» Востоке, о глубокой мудрости его вековой культуры, он показывает народные истоки этой культуры, видит ее в подлинной мудрости и великолепии мудрость и талант народа и, раскрывая роль труда в созидании памятников древней архитектуры Востока, отчетливо разделяет творцов культуры и ее потребителей.

Развивая в своем творчестве тему азиатской культуры, С. Бородин, создавая последующие части трилогии «Хромой Тимур» и «Костры похода», пристальное внимание обращает на проблему осмысления особой созидательной роли народа в истории человечества. Личность и история, народ и личность, личность и время – в таких смысловых вариациях проступает проблема осмысления сущности завоевательных азиатских войн. С. Бородин задается вопросом: а были ли эти войны народными или являлись результатом воли единого правителя-тирана? Если до романа «Хромой Ти-

мур» история великой Азии служила своего рода фоном, оттенявшим значительные эпизоды борьбы Руси против татаро-монгольского ига, отображенные в «Дмитрии Донском», то теперь она становится объектом изучения и всестороннего изображения художника.

В конце 30-х годов можно говорить о рождении в творчестве С. Бородина принципиально нового подхода к фактам прошлого, который проявил себя в установке брать явления всемирной истории в их взаимосвязи. Глубина творческого постижения сути происходящих на Востоке событий возвращает не раз авторский взор к героическим событиям Куликовской битвы. Мысль о том, что победа на Куликовом поле оказала решающее влияние на борьбу различных сил в Азии, высказывается Назаром (седьмая глава), о Куликовом поле говорит автор в историко-публицистическом отступлении (глава девятая). В следующей главе события на Дону вспоминаются в беседе Тимура с проводчиком, прибывшим из Орды. Из всех картин, эпизодов, авторских размышлений на страницах исторической трилогии «Звезды над Самаркандом» вытекает общий вывод о благотворном влиянии на ход истории победоносного для сынов Руси сражении 8 сентября 1380 года. Политические и экономические связи, столкновения дипломатических интересов правителей стран Востока и Запада прямо или косвенно рассматриваются автором эпопеи в неразрывном единстве с важными для той эпохи вопросами взаимосвязей Мавераннахра и великого Московского княжества. Именно это внутреннее единство материала, опирающееся на правильно осмысленные закономерности общественной жизни, и позволяет художнику, не нарушая цельности произведения, обстоятельно развивать в романах об Азии тему древней Руси, занявшую важное место во всем его творчестве.

Автора романов «Хромой Тимур» и «Костры похода» занимает не только вопрос о значении народных масс в историческом процессе, но и такая важная проблема, как проблема роли личности в истории. Образ центрального героя – сына знатного, но небогатого бека, Тимура, наделен

большими организаторскими способностями. В его поведении как военачальника и политика отчетливо давали о себе знать диктаторские тенденции, которые особенно сильно проявились в последний период его жизни. «Политика Тимура заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и таким образом всюду наводить ужас» (с. 123). Объективным моментом в характеристике писателем образа Тимура является тот момент историзма, который позволяет читателю понять, что он лично не мог создать предпосылок для расцвета культуры народов Средней Азии: этот расцвет был подготовлен всем ходом исторического процесса, главную роль в котором играли факторы экономического порядка. Для автора трилогии ориентиром в оценке поступков героя явилось мнение народа. Тимур рисуется в «Звездах над Самаркандом» как государственный деятель, поведение которого было враждебно народу. Созданное им государство не было сильным по сути, так как не стали едиными в жизнеустроительной воле народ и вождь. Потому после смерти Тимура созданное им эфемерное государство стало распадаться. Уроки истории, к которым подводит читателя художественная трилогия С. Бородина, обнажают сегодня ту правду, которая учит народы мудро прозревать перспективу плодотворной исторической поступи, учитывая при этом обстоятельство, что так или иначе Россия во все времена уровнем собственной духовной цивилизации задавала тон и динамику всеобщего развития.

Итогом диссертационного исследования явилось установление в литературном процессе первой половины XX столетия тенденции в эволюции инонационального характера в сторону поиска народами оптимальных путей исторического жизнеустроения по пути духовно-нравственного сближения на едином пространстве многонациональной отечественной культуры.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих работах:

1. Провинция и центр: тест на новое мышление. – В сб.: Возрождение. М., 1994
2. Исповедальная проза и инонациональный герой. // Бежин луг, 1996, № 2
3. По праву негасимого прошлого / Колокол, Волгоград. 1997, № 11
4. Старые биографии на новых стеллажах. Национальный характер и движение времени. // Сибирские огни, 1998. № 5.
5. Страсти по единообразию // Русич. 1998, № 8.

ЛР 020378 от 22.01.97

Тираж 100. Заказ № 665.
Отпечатано в типографии ООО «Крайбиколлектор»
350058, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 252.

$\alpha - \nu$